

— На днях, проезжая мимо Гоцзыцзяня, я увидел, что софоры у ворот цветут пышным цветом, только вот любоваться некому, очень жаль.

— Ха-ха-ха-ха, тогда я пожалуй одного ректора, пусть отправится и вместе со студентами насладится прекрасным светом.

— Студенты весьма счастливы.

Пэй Чоу откинул занавеску кареты и огляделся. Софоры в Гоцзыцзяне уже полностью отцвели.

Он сошел с лошади, затем осторожно помог сойти Чжан Хэншую, и они один за другим вошли в ворота Гоцзыцзяня.

Вокруг было подозрительно тихо. Пэй Чоу огляделся по сторонам, чувствуя странность.

В это время даже голосов студентов, читающих книги, не слышно?

Он помнил, что в день собрания чистых бесед, когда его проносили мимо мимоходом, еще можно было слышать шум. Тогда он был не в себе и не задержался надолго, лишь с трудом разобрал, что в основном ссорились две группировки.

Суть спора, конечно же, касалась его, первого министра Пэя.

Студенты Гоцзыцзяня в целом делились на три типа: первый — студенты по протекции, то есть дети высокопоставленных чиновников из благородных кланов; второй — чиновники, отобранные в Гоцзыцзянь из местных официальных школ, в основном мелкие чиновники или выходцы из бедных семей; третий — студенты по обмену из дружественных государств, в основном из Наньяна, Фусан.

Кроме того, существовало еще одно неписаное правило отбора студентов: пожертвование за место — зачисление в студенты за деньги. Достаточно было внести нужную сумму, чтобы числиться студентом Гоцзыцзяня, обучаясь там. Такие студенты обычно занимали самые низшие позиции, четыре года проводили в бесцельном существовании, а затем занимали места, приготовленные им семьей, и делали карьеру.

Это действие неизбежно вызывало подозрения в покупке должностей, но поскольку власть благородных кланов была огромна, а пороки укоренились давно, император Цзинфэн закрывал на это глаза, а прежний Пэй Чоу и вовсе не мог много говорить на эту тему.

— Странно, в Гоцзыцзяне ни души не видно, — сказал Чжан Хэншуй, ускоряя шаг.

Впереди, у угла стены, промелькнула чья-то тень. Пэй Чоу, обладая острым зрением, в несколько шагов подбежал и поймал человека.

Чжан Хэншуй смотрел, как Пэй Чоу промчался как ветер, со сложным выражением в глазах.

Захваченный Пэй Чоу за воротник, тот человек изо всех сил дернулся, но не вырвался.

Он скользнул взглядом по синей мантии на Пэй Чоу, уже хотел вздохнуть с облегчением, но тут же встретился взглядом с Чжан Хэншуйем в алой мантии.

Пэй Чоу, наблюдавший за этими действиями, про себя подумал, что этот еще и смотрит, с кем имеет дело.

Затем, увидев, как тот сник, приняв несколько безысходный вид, счел его весьма забавным.

— Ты студент Гоцзыцзяня? В это время должен быть на занятиях, слушать лекции преподавателя, а ты чего бегаешь без дела?

— Нет... нет занятий... не... не преподают... нет... нет преподавателя!

Вот еще и заикающийся студент.

— Нет преподавателя? Что это значит?

Чжан Хэншуй тоже подошел ближе, услышав эти бессвязные слова, нахмурился.

— За... они все... за... заперты!

— Преподаватели тоже... не ведут... стоят... стоят у входа... стоят...

Пэй Чоу и Чжан Хэншуй переглянулись, в сердце уже появилось некоторое понимание.

— Где заперты?

Он перехватил человека за запястье и пошел вперед вместе с Чжан Хэншуйем.

— В... в зале диспутов.

Зал диспутов — место в Гоцзыцзяне, где обычно проводятся состязания по классическим канонам, искусству письма и т.д. Да, там действительно может поместиться столько людей.

— Как тебя зовут?

— Чжоу... Чжоу Гэ. — Студент искоса посмотрел на него и добавил:

— Если господину... трудно выговорить, учитель также дал мне второе имя, цзы...

Последние несколько слов он произнес тихо, как комар. Пэй Чоу не расслышал и уже собирался попросить повторить, как услышал, как Чжан Хэншуй позвал его.

Пэй Чоу последовал взгляду Чжан Хэншуя и увидел, что обычно шумные и оживленные двери зала диспутов наглухо закрыты. Перед дверями поставлен письменный стол, на нем лежат кисти, тушь, бумага и тушечница, а перед столом сидит человек, кажется, полностью погруженный в написание чего-то.

Подойдя ближе, Пэй Чоу разглядел, что человек копирует пропись.

Кажется, он так погрузился в процесс, что даже не заметил, как трое подошли.

Пэй Чоу взглянул на пропись, и выражение его лица стало странным.

«Ода горам и рекам» — это было произведение, написанное им в ранние годы, когда он занимал должность левого помощника верховного цензора и сопровождал верховного цензора в инспекционной поездке по регионам. Плывая по великой реке на лодке, тогдашний юноша, полный пылких чувств, прямо и открыто излил их, так и появилась эта «Ода горам и рекам».

Сейчас, глядя на нее, она кажется лишь собранием юношеских, полных энтузиазма и

честолюбивых, рассуждений.

Если бы не присутствие Чжан Хэншюя, Пэй Чоу просто хотел бы закрыть лицо и сбежать.

В душе он горько сокрушался, но на лице это никак не отразилось. Пэй Чоу прочистил горло и уже собирался разбудить этого преподавателя.

— У... учитель?

Тот остановил кисть, но не поднял головы. Взял лист бумаги, подул на него, отложил в сторону для просушки и развернул новый.

— Ваньцзюнь пришел, что случилось?

У Чжоу Гэ лицо мгновенно покраснело, как у вареного рака.

Пэй Чоу улыбнулся.

— Учитель, при... пришли гости.

— Ректор Се, мы потревожили, — первым заговорил Чжан Хэншуй.

Се Мин вздрогнул, поспешно встал и отдал поклон.

— Господин Чжан, простите, подчиненный... подчиненный, эх, вы же знаете, подчиненный, как только сталкиваюсь с подобными вещами, теряю счет времени. Господин, умоляю, не судите строго.

Чжан Хэншуй улыбнулся и успокоил его несколькими словами.

Се Мин велел Чжоу Гэ пригласить Чжан Хэншюя и его спутников в чайную комнату, как из-за плотно закрытых дверей позади внезапно раздался громкий звук, похожий на что-то упавшее, смешанный со звуками спора.

Се Мин нахмурился, с усилием выдавил улыбку и обратился к Чжан Хэншюю.

— Прошу прощения, господин, за такое смешное зрелище. Пожалуйста, давайте быстрее пройдем в чайную комнату.

Чжан Хэншуй не двинулся с места. Он смотрел на Пэй Чоу.

После смерти первого министра характер его ученика сильно изменился, в словах и делах появилась собственная позиция, и когда они действовали вместе, он привык смотреть, как поступит Пэй Чоу.

Эта тонкая перемена произошла внезапно, но казалась вполне закономерной.

Пэй Чоу стоял ближе всех к двери, сосредоточенно прислушался к тому, что происходит внутри, затем озарился улыбкой.

— Ректор Се, заперев этих буйных студентов в одном месте, вы сможете защитить их какое-то время, но разве сможете защитить их на всю жизнь?

Се Мин был удивлен. Он принял человека позади за сопровождающего Чжан Хэншюя и не

обратил на него особого внимания. Услышав голос, он внимательно разглядел его, увидел лицо, похожее на лицо прежнего первого министра, и замер.

Он осторожно окликнул.

— Господин Пэй-младший?

— Подчиненный Пэй Сяошань, приветствую ректора Се.

Се Мин был бессильным книжником, став ректором Гоцзыцзяня — учителем всех студентов Поднебесной. Он был незнатного происхождения, занимал невысокую должность и не имел права голоса при дворе. Видя, как эти высокомерные студенты кричат, что собираются идти к воротам дворца, чтобы встать на колени и просить императора Цзинфэна наказать убийцу прежнего первого министра.

Разве можно так поступать? Это дело жизни и смерти!

Он не мог придумать другого способа, только запереть всех, защитить хоть на время.

Услышав слова Пэй Чоу, Се Мин тоже замолчал.

— Постоянное уклонение — не долгосрочное решение. Если сегодня ваши ученики могут разгромить зал диспутов, то боюсь, завтра они разгромят весь Гоцзыцзянь.

Это была шутка, но Се Мин слушал ее с горечью в сердце.

Чжан Хэншуй похлопал его по плечу.

— Цзычан, давайте войдем и послушаем, что они хотят сказать?

Помедлив мгновение, Се Мин пошел открывать двери зала диспутов.

Когда четверо спускались по ступеням, Пэй Чоу заметил, что походка Се Мина не совсем обычная, кажется, правая нога немного хромотает?

Чжоу Гэ осторожно поддерживал его, посмотрел на правую ногу Се Мина и молча покраснел.

Пэй Чоу видел это и в сердце все понял.

Зал диспутов действительно был хорошим местом для дебатов. Внутри он был круглой формы, снаружи внутрь, сверху вниз были расставлены сиденья, а в центре круга имелось все необходимое: цинь, вэйци, книги, тушь.

То, что только что было опрокинуто, был один из боковых столов, письменные принадлежности разбросаны по полу, полный беспорядок.

— Повтори еще раз! Что значит глупо из-за одного мертвеца? У него есть имя и фамилия, это прежний первый министр! Ты недостоин быть высокопоставленным сановником!

— И вы тоже! — Этот человек с покрасневшими глазами, дрожащий от гнева, но чей голос гремел, как гром, продолжал:

— Вы забыли, что если бы не прежний первый министр, вы бы даже не смогли войти в ворота Гоцзыцзяня. А теперь прячетесь за этими отпрысками знатных семей и занимаете позицию

наблюдателя. Вы недостойны получать жалование от двора и тем более называться учениками Сына Неба!

Схваченный им за воротник тоже разозлился.

— И что? Доказательства? Из-за каких-то слухов и домыслов ты можешь обвинить военного чиновника первого ранга? Просто смешно!

— Показания свидетелей и вещественные доказательства уже давно представлены в Палату Дали. Ци Юй бездействует, разве вы не знаете почему? Все потому, что семья Цинь всеильна, и Ци Юй не может сдвинуться с места! Поэтому мы и идем к воротам дворца с петицией, прося нынешнего императора провести тщательное расследование!

Хотя этот человек был в гневе, ум его оставался ясным.

Его оппонент оставался невозмутимым и спокойно сказал.

— Напрасно тратишь силы, ты топишь всех своих однокурсников.

— Ты!

<http://bllate.org/book/15464/1368174>